

НАЗАД, В СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ

Руслан Куликов

Назад, в семьдесят шестой

<https://litres.ru/74291818>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мне шестьдесят четыре. Я прожил всё: застой, лихие девяностые, похоронил половину друзей и жену. Умирал на казённой койке — а очнулся в тысяча девятьсот семьдесят шестом. В своём собственном семнадцатилетнем теле.

У меня память целой жизни. Знание, что будет с этой страной и с каждым, кого я любил. Талант боксёра, который в прошлый раз я бездарно зарыл.

И сорок дней.

Через сорок дней в литейном цеху рванёт бракованная форма, и мой отец не вернётся домой. В прошлой жизни я не смог его спасти — был мальчишкой и ничего не знал.

Теперь знаю.

В этот раз всё будет иначе. Я подниму семью со дна, дойду с дворового ринга до большого спорта — и вырву отца у смерти. Осталось только одно: не спалиться. Потому что человек в сером плаще уже смотрит на меня так, будто чувствует — пацан знает то, чего знать не может никто.

Содержание

Часть 1. Сорок дней	4
Глава 1. Семнадцать	4
Глава 2. Отец	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Руслан Куликов

Назад, в семьдесят шестой

Часть 1. Сорок дней

Глава 1. Семнадцать

Умирал я долго и скучно.

Не в бою, не под колёсами — на казённой койке, под капельницей, под писк аппарата, который считал мои последние удары равнодушно, как счётчик считает воду. Шестьдесят четыре года. Сердце. Врач в коридоре сказал сыну «мы сделали всё что могли» — я слышал через дверь, слух перед концом обостряется. Сделали. Ну-ну.

Я лежал и перебирал жизнь, как перебирают карманы перед стиркой. Бокс в юности — бросил. Армия. Завод. Девяностые, будь они прокляты, — ларёк, рэкет, схоронил Кольку, схоронил Серёгу, схоронил ещё половину двора. Жену пережил на восемь лет. Сын хороший, редко звонил, но хороший. Вот и всё, если честно. Вся жизнь уместилась в один усталый вдох.

«Дурак, — подумал я под писк аппарата. — Столько всего можно было иначе. Столько раз надо было бить, когда ты

глотал. Дал бы кто второй раунд — уж я бы...»

Аппарат пискнул в последний раз и замолчал.

И стало темно, и тихо, и мне впервые за много лет не было больно.

А потом кто-то заорал мне в ухо.

— Ви-и-итька! Подъё-о-ом, оглоед! В школу проспидишь!

Я открыл глаза.

Потолок был чужой. Низкий, белёный, с трещиной наискось — я знал эту трещину. Я знал её сорок лет назад. Над ней жёлтое пятно от того, как в позапрошлом году соседи сверху залили. Абажур. Оранжевый абажур с бахромой.

Сердце — которое только что остановилось на казённой койке — грохнуло в рёбра так, что я задохнулся.

Я поднял руку к лицу.

Рука была не моя.

Молодая. Гладкая. Без вздутых вен, без коричневых пятен, без шрама на большом пальце от циркулярки, который я заработал в восемьдесят девятом. Пальцы длинные, крепкие, с содранными на костяшках корками — костяшки боксёра. Я сжал кулак. Он сжался легко, звонко, без хруста в суставах, без утренней ноющей боли, которую я таскал последние тридцать лет как вторую кожу.

— Витька! Кому сказала!

Дверь распахнулась.

И в проём заглянула моя мать.

Живая.

Молодая — моложе, чем я её помнил даже на старых фотографиях, — в застиранном халате, с полотенцем через плечо, с этим её вечным беспокойным прищуром. Мать, которую я похоронил в девяносто седьмом. Которой я не сказал половину того, что надо было сказать. Которая снилась мне потом двадцать лет, и я всегда просыпался с мокрым лицом.

Она стояла в дверях, живая, тёплая, недовольная, и сердито махала мне полотенцем.

— Ты чего вылупился? Заболел? — Она осеклась, шагнула ближе, привычным движением приложила ладонь к моему лбу — прохладную, шершавую от работы ладонь. — Лба нет. Чего сидишь как пыльным мешком стукнутый. Каша стынет.

Я не мог сказать ни слова.

Я смотрел на неё снизу вверх, семнадцатилетний, в трусах и майке, в комнате из тысяча девятьсот семьдесят шестого года — и меня разрывало пополам. Одна половина орала: этого не бывает, это бред умирающего мозга, сейчас погаснет. Вторая — старая, всё повидавшая половина — тихо и страшно понимала: а вдруг бывает. А вдруг вот он. Второй раунд.

— Мам, — сказал я. Голос был чужой, ломкий, мальчишеский, и от звука собственного голоса у меня перехватило горло. — Мам. Какой... какое сегодня число?

Она нахмурилась.

— Совсем ты, я гляжу, заспался. Четвёртое апреля, суб-

бота. — Она подхватила с пола мою рубашку, кинула мне. — Одевайся давай. И отца не забудь разбудить, ему в вечер сегодня, а он опять до ночи в гараже копался, дрыхнет.

Отца.

В вечер.

Что-то холодное и очень старое шевельнулось у меня в памяти. Апрель семьдесят шестого. Смена в вечер. Я вцепился в это, как утопающий, и старая память — память шестидесятичетырёхлетнего — начала выдавать то, что я сорок лет старался забыть.

Отец. Литейный цех. Авария.

Я похоронил отца весной семьдесят шестого. Мне было семнадцать.

— Мам, — сказал я очень тихо, и рубашка выпала у меня из рук. — Какое сегодня... точно четвёртое?

— Четвёртое, четвёртое. — Она уже выходила, ворча. — Совсем мальчишка ошалел под конец учёбы...

Дверь закрылась.

А я сидел на панцирной кровати в холодном поту и считал.

Отец погиб в мае. Пятнадцатого мая тысяча девятьсот семьдесят шестого года, в вечернюю смену, когда бракованная форма не выдержала и через литейку хлынул металл. Я помнил дату намертво — я сорок восемь лет ходил к нему на кладбище пятнадцатого числа.

Сегодня четвёртое апреля.

У меня было сорок дней.

Глава 2. Отец

Я оделся, не чувствуя пальцев.

Тело слушалось — молодое, лёгкое, чужое-своё, — а голова работала на двух скоростях сразу. Одна половина ещё не верила и ждала, что мир вот-вот лопнет, как мыльный пузырь. Вторая уже считала, планировала, прикидывала. Так я работал всю жизнь: пока сердце в панике, руки делают.

Квартира была наша. Двухкомнатная, в хрущёвке на окраине Стальска — я узнавал каждую половицу, каждый обмылок на раковине, запах — господи, запах, — газа, хлеба, стирального порошка и отцовской «Примы». Запах, которого я не нюхал сорок восемь лет.

Я вышел в коридор и остановился у двери в родительскую комнату.

За ней спал мой отец.

Я стоял, взявшись за косяк, и не мог войти. Медик во мне — а я всю жизнь тянул людей из беды, сначала на ринге секундантом, потом в девяностые, когда возить в больницу было некому, — медик во мне холодно раскладывал задачу. Но сын во мне, семнадцатилетний и шестидесятичетырёх-летний разом, просто стоял и боялся открыть дверь. Потому что за ней лежал человек, которого я похоронил. Которого не помнил уже толком в лицо — только по карточке.

Я толкнул дверь.

Он спал на спине, раскинувшись, — большой, тяжёлый, с проседью в чёрных волосах, с руками работяги поверх одеяла. Николай Громов. Сорок два года. Литейщик, четвёртый разряд, двадцать лет у горячего металла. Он всхрапывал, и на тумбочке лежали его папиросы и заводской пропуск.

Я смотрел на него и держался за косяк, чтобы не сесть на пол.

— Батя, — сказал я. Хрипло.

Он не проснулся. Всхрапнул, поморщился.

Я подошёл. Сел на край кровати — осторожно, будто боялся спугнуть. И повторил, уже тише, тем голосом, которым говорят с теми, кого потеряли и вдруг вернули:

— Пап. Вставай. Тебе в смену.

Отец открыл глаза.

Они были серые, как у меня в той, прошлой жизни. Он посмотрел на меня — сначала мутно, спросонья, потом сфокусировался — и вдруг усмехнулся, беззлобно, привычно.

— Чего это ты меня будишь? — прогудел он, потягиваясь так, что кровать закрипела. — Совесть проснулась? Обычно тебя из-под одеяла краном не вытащишь. — Он сел, поскрёб грудь, потянулся за папиросами. — Случилось что?

Случилось, батя. Ещё как случилось. Только я тебе не расскажу — не поверишь, да и сдам себя с потрохами.

— Ничего, — сказал я. — Просто... разбудить решил.

Он закурил, щурясь на меня сквозь дым, и что-то в его лице дрогнуло — то ли удивление, то ли что поглубже. Он не

привык, что сын с ним нянчится. В семнадцать я был колючий, задиристый, вечно на взводе — обычный пацан, который стесняется отца и рвётся из дома. Я это помнил. И мне было стыдно за того пацана до слёз.

— Ты, Витёк, странный сегодня, — сказал отец медленно.

— Прибитый какой-то. В школе не набедокурил?

— Нет.

— С Родькой опять сцепился?

Родька. Я напряг память — и старая жизнь послушно подсунула лицо: Родион, сынок первого секретаря райкома, холёный, наглый, с компанией прихлебал. Мой личный ад в семнадцать лет.

— Нет, — сказал я. — Пап... слушай. — Я подбирал слова осторожно, как сапёр. — Ты сегодня в вечер?

— В вечер, — кивнул он, вставая, привычно надевая майку. — А что?

— А форма как? На третьей линии. — Я сам не знал, откуда всплыло — но всплыло, из глубин старой памяти, из того, что рассказывали потом на поминках, шёпотом, мужики с завода. Бракованная форма. Третья линия. Литейка. — Не барахлит?

Отец замер с майкой в руках. Обернулся. И посмотрел на меня уже совсем иначе — остро, внимательно.

— Ты про формы откуда знаешь? — медленно спросил он. — Это цеховое. Мы вчера как раз мастеру докладную писали, что третья линия сыпется, а он отмахнулся — план,

план. — Он прищурился. — Тебе кто сказал?

Я похолодел.

Первый прокол. Первый же. Я знал то, чего семнадцатилетний Витька Громов знать не мог никак.

— Показалось, — сказал я, вставая. — Мужики во дворе языками чесали. Ты... — я запнулся, и вдруг всё, что копилось в горле сорок восемь лет, рвануло наружу помимо воли. — Ты там осторожней, пап. Ладно? Не лезь под металл. Что бы мастер ни говорил. Осторожней.

Отец смотрел на меня долго.

А потом сделал то, чего в прошлой жизни, я готов был поклясться, не делал никогда, — шагнул и коротко, крепко, неловко притянул меня к себе, ткнул кулаком в плечо.

— Ишь ты, — сказал он хрипло, отпуская. — Батю жалеет. Вырос, что ли. — Он отвернулся к окну, и голос у него стал ворчливый, чтобы скрыть то, что мелькнуло. — Иди кашу ешь. И не выдумывай. Двадцать лет у печи, а он — «осторожней».

Двадцать лет у печи. А погиб на двадцать первом.

Не в этот раз, батя. Я тебе клянусь. Не в этот раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.